

К.И. Кавелин

Сочинения. Часть 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
К11

К11 **К.И. Кавелин**
Сочинения. Часть 4 / К.И. Кавелин – М.: Книга по Требованию, 2014. –
374 с.

ISBN 978-5-518-06595-6

ISBN 978-5-518-06595-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

III.

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И РАЗСУЖДЕНІЯ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ НАРОДНОМУ БЫТУ, ПОВѢРЬЯМЪ, ПРАЗДНИКАМЪ И Т. П.

	Стр.
Бытъ русскаго народа, соч. Терещенки. (Соврем. Т. XI, Крит. и Библ. стр. 1 — 48; 85 — 139; Т. XII, стр. 95 — 138)	3
Нѣкоторыя извлеченія изъ собираемыхъ въ Имп. Русск. Географ. Общ. этнографическихъ матеріаловъ о Россіи, съ замѣтками о ихъ многосторонней занимательности и пользѣ для науки. (Географ. Извѣстія Спб. 1850. Вып. 3. стр. 323 — 339).	204
Нѣсколько словъ о примѣтахъ. (Архивъ Историко-Юридич. свѣдѣній о Россіи, Калачова. Кн. 1. Отд. VI, стр. 3 — 13)	215
О вѣдунѣ и вѣдьмѣ. (Отеч. Зап. Т. 76, Крит. стр. 53 — 64)	234

IV.

РАЗНЫЯ СТАТЬИ И СМѢСЬ.

Взглядъ на русскую сельскую общину. (Атеней 1859 г. № 2, стр. 165 — 196).	249
Замѣтка о подрядахъ и поставкахъ. (Архивъ Историко-юридическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи, Калачова. Кн. 1. Приложение стр. 28 — 36).	287
Соображеніе о предметахъ занятій, цѣли и способахъ дѣйствія Импер. Вольнаго Экономич. Общества.	297

	Стр.
Ремесленная Богадѣльня и вообще управленіе ремесленнымъ сословіемъ въ С. Петербургѣ. (С. Петерб. полиц. Вѣдом. 1849 г.) . . .	329
Слуга. Современный физиологическій очеркъ. (Русск. Вѣстникъ Т. 8. стр. 277—282).	348
Петръ Васильевичъ Кирѣевскій. (С. Петерб. Вѣдом. 1856 г. № 242)	355
Александръ Андреевичъ Ивановъ. (Русск. Вѣстн. Т. 16. Современ. Лѣ- топись, стр. 70—71).	359
Рѣчь, произнесенная господамъ студентамъ Импер. С. Петербургскаго университета Юрид. факул. 11 сент. 1857 г. передъ открытіемъ курса Гражданскаго права.	361
Рѣчь, произнесенная въ Москвѣ на обѣдѣ 28 декабря 1857 г. (Русск. Вѣст. Т. 12 стр. 210—211).	363
Рѣчь, произнесенная въ С. Петербургѣ на обѣдѣ 12 января 1858 г. (С. Петербургск. Вѣдом. 1858 года № 14).	365

БЫТЬ РУССКАГО НАРОДА. Соч. А. Терещенки. Спб. 1848.
Въ семи частяхъ.

1.

Книга г. Терещенки имѣеть двѣ стороны, которыя непременно надо различить, чтобы получить о ней правильное понятіе и оцѣнить ее безпристрастно. Во первыхъ, она представляетъ одно изъ самыхъ полныхъ и богатыхъ собраній матеріаловъ для теперешняго и древнѣйшаго быта русскаго народа. Эти матеріалы тѣмъ важнѣе, что заимствованы не только изъ книгъ, но изъ устныхъ разсказовъ простаго народа, непосредственныхъ, живыхъ наблюденій автора и другихъ лицъ, подобно ему, интересующихся предметомъ. При быстромъ изчезаніи старыхъ обычаевъ, увѣковѣченіе такихъ наблюденій печатью — заслуга немаловажная, за которую нельзя довольно благодарить автора. Для исторіи нашего языка, гражданственности, образованія, для изученія древнѣйшаго русскаго быта, собраніе г. Терещенки — драгоцѣнное пріобрѣтеніе и вмѣстѣ съ трудами гг. Сахарова, Максимовича, Снегирева, Даля, Кирѣевскаго должно быть настольной книгой русскаго археолога, историка и филолога. Но, составляя свою книгу, г. Терещенко не думалъ ограничиться однимъ сообщеніемъ мате-

ріяловъ. Сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ претензіи на трудную роль самостоятельнаго систематическаго изслѣдователя и критика. Г. Терещенко не только собралъ матеріалы: онъ ихъ обрабатываетъ, располагаетъ извѣстнымъ образомъ, объясняетъ, дѣлаетъ изъ нихъ выводы и заключенія. Эта вторая сторона книги весьма слаба. Скажемъ болѣе: она ниже посредственности. Самые простые законы исторической критики неизвѣстны автору; какъ изслѣдователь, онъ безпрестанно впадаетъ въ самыя забавныя ошибки. Будучи, какъ видно, весьма коротко знакомъ съ теперешнимъ простонароднымъ бытомъ, онъ нисколько не воспользовался этимъ знаніемъ, и оно ему ни мало не послужило къ открытію его главныхъ, характеристическихъ чертъ. А открыть ихъ было не такъ трудно при множествѣ собранныхъ данныхъ, ярко освѣщающихъ туземные письменные памятники старины и отрывочныя, разновременныя свидѣтельства иностранныхъ писателей и путешественниковъ по славянскимъ землямъ. Народные обычаи, у насъ и вездѣ, удерживаются весьма долго. Потерявъ первоначальное живое значеніе, они преобразуются въ символы, обрядовыя дѣйствія и въ этомъ видѣ сохраняются народами въ продолженіи многихъ вѣковъ. Ихъ первоначальный смыслъ наконецъ исчезаетъ, часто влагаются въ нихъ новый смыслъ, болѣе соотвѣтствующій настоящимъ понятіямъ и быту народа, хотя и невѣрный, произвольный; но они все-таки повторяются потомками и для исторической критики служатъ драгоценными матеріалами при возстановленіи отдаленнѣйшей древности, первоначальнаго быта, отъ которыхъ не осталось ни письменныхъ памятниковъ, ни преданій. По указаніямъ этихъ обрядовыхъ, символическихъ, торжественныхъ дѣйствій можно прослѣдить внутреннюю жизнь народа, ея постепенныя измѣненія, вліяніе различныхъ элементовъ, при входившихъ въ нее извнѣ или вызванныхъ внутреннимъ послѣдовательнымъ раз-

вitiемъ. Г. Терещенко не обратилъ никакого вниманiя на это значенiе обычаявъ; кажется, онъ его и не подозрѣвалъ. Никакого единства, цѣлости въ трудѣ, кромѣ единства предмета, которое не зависѣло отъ автора; никакого взгляда, и потому отсутствiе плана въ расположенiи цѣлаго и частей, отсутствiе мысли въ изслѣдованiяхъ. Выходить, что авторъ оказалъ бы великую услугу, еслибъ скромно и добросовѣстно ограничился изданiемъ однихъ матерiаловъ, не подмѣшивая къ нимъ своихъ разсужденiй. Послѣднiя совершенно бесполезны, ни къ чему не ведутъ, нерѣдко искажаютъ факты. Дѣйствительно, разглагольствованiями авторъ часто заслоняетъ отъ читателей живой источникъ, откуда черпалъ данныя, такъ что во многихъ мѣстахъ трудно распознать, чтѣ повѣрье народа, чтѣ соображенiя, не всегда глубокомысленныя, г. Терещенки.

Это обстоятельство, а именно, что авторъ приступилъ къ дѣлу неприготовленный, безъ научнаго взгляда, безъ критики, безъ достаточнаго изученiя, конечно и было причиной, почему его книга не заняла почетнаго мѣста въ нашей исторической литературѣ и осталась мало замѣченной. Нѣкоторые критики были къ ней даже несправедливы, обративъ исключительное вниманiе на ея слабую сторону; къ счастью, есть и другая, которую мы усердно рекомендуемъ читателямъ. То, чтѣ по черпнуто изъ народнаго быта, описанiя праздниковъ, хороводовъ, свадебныхъ и другихъ обрядовъ, игръ и т. д., такъ важно и содержитъ такiе богатые матерiалы для узнанiя теперешней и давно-прошедшей нашей жизни, что мы позволимъ себѣ войти въ подробное разсмотрѣнiе книги г. Терещенки.

Она раздѣляется на семь частей. Въ первой говорится о народности, жилищахъ, домоводствѣ, нарядѣ, образѣ жизни, музыкѣ; во второй о свадьбахъ; въ третьей о времясчисленiи, крещенiи, похоронахъ, поминкахъ, Дмитрiевской Субботѣ; въ четвертой о забавахъ: играхъ и хороводахъ; въ пятой о про-

стонародныхъ обрядахъ: Первомъ марта, встрѣчѣ весны, Красной Горкѣ, Радуницѣ, Запашкѣ, Кукушкѣ, Купалѣ, Ярилѣ, Обжинкахъ, Бабѣ лѣтѣ, братчинахъ; въ шестой: объ обрядныхъ праздникахъ: Недѣлѣ Вай, Пасхѣ, Русальной Недѣлѣ, Семикѣ, Троицинѣ днѣ, Первомъ апрѣля, Первомъ мая; наконецъ въ седьмой о Святкахъ и Масляницѣ.

Изъ этого перечня содержанія книги г. Терещенки видно, что программа его обширна. Онъ задумалъ огромный трудъ, почти невыполнимый, для одного человѣка. Кто не знаетъ, какихъ средствъ и усилій нужно для собранія однихъ матеріаловъ! Сверхъ того авторъ не опредѣлилъ границъ, не уяснилъ себѣ предмета предпринятой работы, и этимъ создалъ самъ для себя новыя трудности. Хотѣлъ ли онъ подробно описать бытъ русскаго народа, какимъ мы его теперь видимъ, или думалъ прослѣдить этотъ бытъ и исторически до нашего времени, заимствуя данныя о прошедшемъ изъ книгъ, о теперешнемъ—изъ живыхъ обычаевъ и обрядовъ? Далѣе, входило ли въ его планъ изложить только бытъ собственно коренно-русскій, или и всѣ тѣ измѣненія, которыя въ немъ произошли вслѣдствіе постороннихъ вліяній, особенно европейскаго? Эти вопросы вовсе не обратили на себя вниманія г. Терещенки; онъ объ нихъ и не думалъ, принимаясь писать книгу. Этотъ недосмотръ, ошибка—отозвались въ его трудѣ. Въ одной главѣ находимъ только описаніе стараго, по письменнымъ источникамъ, въ другой—только теперешняго, на основаніи непосредственныхъ наблюденій и замѣтокъ. Вообще авторъ не охотникъ до новыхъ обычаевъ; старые кажутся ему лучше, и онъ ихъ описываетъ съ особенною любовью. Согласно, этотъ взглядъ имѣетъ свою полезную сторону, побуждая собирать и сохранять въ печати, для будущихъ изслѣдователей, то, что съ каждымъ днемъ уходитъ и изглаживается. Но г. Терещенко описываетъ же мѣстами и новизну. Только эта новизна у

него неполна, не обнимаетъ всѣхъ слоевъ общества и, какъ по всему замѣтно, списана не съ высшаго круга. Будь разбѣраемое нами сочиненіе не болѣе какъ собраніе матеріаловъ, мы бы не обратили вниманія на эту неполноту и сказали спасибо и за то, что нашли; но авторъ хочетъ быть изслѣдователемъ, розыскателемъ, слѣдовательно заставляеть быть требовательнымъ. Въ систематическомъ разсужденіи такая неопредѣленность — важный недостатокъ. По нашему мнѣнію, слѣдовало остаться вѣрнымъ главной, хотя и не высказанной задачѣ; слѣдовало описать обычаи простого народа, прослѣдить ихъ въ прошедшемъ, сколько позволяютъ источники, и пожалуй, ихъ измѣненія или искаженія въ тѣхъ классахъ, которыхъ европейское вліяніе коснулось слегка; о привычкахъ и образѣ жизни образованныхъ слоевъ общества, менѣе извѣстныхъ автору можно бы и не говорить вовсе; читатели не стали бы жалѣть объ этомъ, да и наука бы ничего не потеряла.

Разсматривая, далѣе, программу, мы находимъ, что она и неполна по заглавію книги: «Быть русскаго народа», и совсѣмъ безсвязна. Она неполна, потому что въ ней нѣтъ отдѣла для пословиць, пѣсенъ, поговорокъ — этихъ неразлучныхъ спутниковъ русскаго человѣка; нѣтъ еще и многого другого, что составляетъ бытъ народа. Она безсвязна, потому что нельзя никакъ понять, на какомъ основаніи г. Терещенко дѣлать свое сочиненіе на части, части на главы; почему народность составляетъ особенную главу, тогда какъ вся книга — картина русской народности; почему братчины, запашки, обжинки отнесены къ числу простонародныхъ обрядовъ; почему всѣ народные праздники отнесены къ этому отдѣлу, а хоровады, свадьбы, похороны — не отнесены, какъ-будто и они не сопровождаются простонародными обрядами, не суть простонародные обряды. Такихъ почему, при разсмотрѣніи программы г. Терещенки, множество приходитъ въ голову. Довольно

и этихъ. Они достаточно обнаруживаютъ, что сочиненіе написано безъ мысли, безъ систематическаго взгляда на предметъ, безъ критической оцѣнки обрядовъ простаго народа, что мы ужь и прежде сказали.

Надобно замѣтить, что предисловіе автора скромнѣе его книги, и кто остановится на немъ, на предисловіи, тотъ назоветъ насъ и слишкомъ строгими и придирчивыми. Судя по послѣднему, г. Терещенко «имѣлъ намѣреніе изобразить жизнь нашей Руси, но всегда былъ останавливаемъ мыслию: трудъ не по силамъ. Эта мысль, дѣйствительно справедливая, отнимала всякую надежду приступить когда-нибудь; но разсуждая, что и слабое ознакомленіе, по возможности точное, не должно быть порицаемо, онъ рѣшился начертить его въ бытѣ русскаго народа. Не безъ робости представляетъ онъ его своимъ соотечественникамъ» (стр. III). Въ томъ же предисловіи авторъ говоритъ, что «изложить бытъ народа, сколько можно съ должною вѣрностію, нѣтъ возможности одному человѣку: это трудъ многихъ». Поэтому онъ «старался представить его сколько могъ по своимъ силамъ, и отнюдь не думаетъ, чтобы его трудъ не былъ измѣненъ, даже въ самое короткое время» (стр. VI). Но въ книгѣ этого скромнаго тона, этого недоуверія автора къ своимъ силамъ мы уже не находимъ: тутъ онъ судить и рядить смѣло, рѣшительно; подумаешь, подъ названіемъ «быта русскаго народа» авторъ издалъ курсъ нравственности и психологіи; нѣкоторыя статьи даже какъ-будто цѣликомъ взяты изъ какой-нибудь физиологіи женскаго сердца и попали сюда ошибкой. Ясно, предисловіе — вѣжливая фраза, обыкновенная, условная свѣтская любезность, обращенная къ публикѣ, — никакъ не болѣе. Этому мы увидимъ не одно доказательство.

Мы сказали, что предметъ первой главы — народность. Это слово такъ объемисто, совмѣщаетъ въ себѣ столько раз-

личныхъ значеній, что едва ли можно сказать что-либо дѣльное, основательное о народности на какихъ-нибудь полутора-ста страницахъ разгонистой печати. Народность—цѣлая исторія народа со всѣми ея сторонами, цѣлая народная жизнь, во всѣхъ ея выраженіяхъ. Мы думаемъ, лучше было бы вовсе не посвящать народности особой главы. Авторъ думалъ иначе. Чѣмъ же онъ наполнилъ эту главу?

А вотъ посмотримъ.

Сначала авторъ говоритъ о различіи людей вслѣдствіе климатическихъ вліяній, —различіи, которое выражается въ очертаніи лица и образованіи тѣла. По этимъ признакамъ онъ дѣлитъ весь человѣческій родъ на пять расъ, или породъ, и описываетъ ихъ. Почему онъ остановился именно на той системѣ, которая принимаетъ пять породъ — мы не знаемъ. Обыкновенно писатели излагаютъ сперва главныя классификаціи человѣческаго рода и ужъ въ заключеніе объясняютъ, какой они сами придерживаются. Пока вопросъ окончательно не уясненъ, такая метода самая естественная и потому самая лучшая. Автору она вѣроятно почему-либо не нравится. Но это бы еще ничего; а вотъ что странно: вслѣдъ за описаніемъ породъ говорится на полутора страничкахъ, что Славяне принадлежать къ кавказскому племени и старожилы въ Европѣ, а потомъ авторъ прямо переходитъ къ описанію ихъ свойствъ. Въ книгѣ, посвященной быту русскаго народа, старожитность Славянъ въ Европѣ, ихъ отношенія къ другимъ расамъ, ихъ раздѣленіе на племена и расселеніе конечно должны бы обратить на себя нѣкоторое вниманіе. Еслибъ г. Терещенко даже увлекся тутъ подробностями, и ничего не сказалъ о раздѣленіи цѣлаго человѣческаго рода — все было бы простительнѣе, чѣмъ вовсе не говорить о славянскомъ племени. Чтобъ читатели могли составить себѣ понятіе о томъ, какъ авторъ принимается за ученые вопросы, вотъ обращикъ :

«Конечно, мы ничего не можем сказать въ пользу нашихъ предковъ, какъ они жили тогда, или чтобы славилась уже своими дѣлами: но то должно быть достоверно, что они издревле заселяли Европу, и по этому суть коренные европейцы. Здѣсь не надобно даже ссылаться на сочиненія многихъ писателей, подтверждающихъ эту истину; довольно сказать, что славяне наружностію и умомъ ни въ чемъ не уступаютъ прославленнымъ кореннымъ европейцамъ — германамъ и франкамъ; что они очеркомъ лица, бѣлизною тѣла, станомъ и душевными силами, суть настоящіе европейцы; что они, въ первыя столѣтія своей извѣстности, бѣдствовали, лили кровь за свою свободу, гибли отъ раздоровъ иноземныхъ, но и среди лютыхъ испытаній и переворотовъ не упадали духомъ, — были тверды и непоколебимы, какъ скала среди бурнаго моря, и что они, своими вѣковыми несчастіями, проложили путь къ будущему величію ихъ потомковъ». (Т. I. стр. 5 и 6.)

Эти ничего не значація слова — безъ малаго все, чтò сказано о происхожденіи Славянъ. Свойства ихъ описаны не лучше; нѣсколько выписокъ изъ древнѣйшихъ туземныхъ и иностранныхъ сказаній о полуднякомъ бытѣ этого племени конечно не даютъ еще ни малѣйшаго понятія о его свойствахъ. Да и старая манера описывать свойства народа давно ужъ брошена, потому что не ведетъ ни къ чему и не характеризуетъ нисколько народа. Въ разныя эпохи, при разныхъ условіяхъ, одинъ и тотъ же народъ такъ измѣняется, что его едва можно узнать. Примѣровъ много. Описать свойства народа значитъ написать его исторію, а не начинить книгу выбранными наудачу характеристиками, часто случайными, пристрастными, односторонними, составленными за нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, по поверхностному знакомству съ народомъ чужеземцевъ и подъ влияніемъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ. Какъ мало вѣсятъ такія описанія свойствъ, видно ясно изъ книги г. Терещенки. Славяне, по его описанію, были добродушны, гостепримны, кротки, воинственны, храбры, набожны, любили пѣсни, музыку, пляску. Прекрасно! Но какъ составитъ себѣ по этимъ признакамъ хоть какое-нибудь понятіе объ отличительныхъ чертахъ славянскаго племени? Сколько наро-